

Слуги быстро доложили о визите господина Ли во впавшие не так давно в немилость поместье Цзяннаньского хоу. Стояло оно пусть и в столице, но в отдалении от иных построек и домов богатых семей — что было неудивительно, учитывая, что с пятилетней войны Пань Тань привез только дурную репутацию и новые заботы для Его Величества. Темные ворота резиденции генерала извечно были плотно закрыты, словно тот никого не желал подпускать к себе в кишасей, словно клубок змей, интригами столице, и даже господина Ли провели внутрь через небольшую калитку.

Юноша, однако, не выказал раздражения или оскорбления подобным небрежным приемом: пройдя внутрь, у низкой планки ворот он поспешно приклонил голову, чтобы макушкой не задеть ее. Слуга было начал извиняться перед молодым господином, который, благодаря влиянию Третьего принца, сейчас по всей столице был известен как юный, но подающий огромные надежды чиновник, но господин Ли лишь махнул рукой, призывая старого слугу помолчать. Лицо молодого человека не выражало ни единой эмоции: словно каменная маска, оно было пустым и высокомерно безразличным.

По длинным переходам дома слуга повел господина Ли к своему хозяину. Было заметно, что когда-то это поместье начинали строить с размахом, желая роскошью убранства и величием поспорить с императорским Запретным городом, но после влияние Цзяннаньского хоу, как и поток серебра в его резиденции, резко иссякли: остались лишь лысые декоративные горки, пустые сады и глухой вой сквозняка, гуляющего по широким залам. У господина Ли создавалось впечатление, будто он пришел в дом богатой семьи, из которого жильцы решили съехать, забрав все нажитое. Однако быстро можно было догадаться, что это не так: в залах и переходах лак на гладких досках пола поблескивал новизной, отражая пасмурное небо, плотная бумага на окнах была белоснежной, и краска на тонких колоннах, поддерживающих крыши переходов, новой — этот дом не успел еще износиться, словно старое платье. Его судьба была куда печальнее.

Хозяин поместья решил расположиться в дальнем южном дворе, потому большая часть слуг и домочадцев тоже оставались там. В этих комнатах уже не было душасей атмосферы запустения. Господина Ли усадили на низкую кушетку в центре небольшого, но изящно оформленного приемного зала, и подали закуски. Слуг тут было немного, и это были люди, которых Пань Тань забрал из родительского дома, и которые были с ним в армии: конечно, господина Ли они знали. Когда-то личные слуги хоу к этому военному министру относились приветливо, но теперь, поклонившись ему, замерли в разных частях зала и опустили глаза, не желали сказать лишнего слова. Видно было, что господина Ли тут теперь не жалуют.

И все же, как бы домочадцы Цзяннаньского хоу не желали показать своему гостю, что ему здесь не рады, не скрыть было волнения и радости в глухих звуках тяжелых шагов, которые слышались вскоре. Едва Пань Таню доложили о прибытии господина Ли, он бросил все свои дела и поспешил в малый зал — пусть и сам не понимал, что ощущает в своей душе. Господин Ли уехал с поля боя неожиданно, не попрощавшись и не сказав, куда так торопится. Лишь через несколько недель он прислал сухое письмо, где говорил, что его срочно отозвали ко двору: впрочем, Цзяннаньский хоу остался рад и этому. После отъезда господина Ли ситуация на фронте, которая было перешла под влияние войск Императора, резко ухудшилась, правый фронт войск смешался, а кочевники принялись нападать с новой силой. Решительным наступлением они отняли несколько важных горных троп и долго держали оборону на них: генералу потребовалось долгих полгода, чтобы окончательно разобраться с остатками варварского войска.

Все это время он не мог выкинуть образ господина Ли из головы. Тот не отвечал на его письма, или отвечал коротко и сухо, сказываясь на занятости. Его демонстративная отдаленность,

однако, не могла задушить нежных чувств, что расцвели за годы на границе в душе генерала. Его друзья говорили, что господин Ли бросил их в решающий момент и ничем не помог, находясь подле Императора, но Пань Тань не слушал. В своей душе он готов был найти сотню оправданий и тысячу причин для подобного поведения, потому все это время неистово желал новой встречи.

Оставалась, однако, у Цзяннаньского хоу и гордость, которую он не желал смирять, пусть в душе его и царило радостное волнение. Войдя в зал, Пань Тань окинул господина Ли быстрым взглядом и, оправив рукава домашних одежд, коротко сказал:

— Если твое дело быстрое — говори. У меня еще много своих забот.

Господин Ли, который до этого задумчиво покачивал в руке пиалу с чаем, наблюдая, как медовый напиток лижет гладкие стенки, поднял взгляд и улыбнулся. Слабо, как улыбается луна, отраженная в гладких водах чистого озера. Иным эта улыбка могла показаться насмешкой или выражением настолько незначительным, что на него не стоило обращать внимания — но все укрепления в душе генерала в этот миг от нее пали и лицо невольно расслабилось.

Господин Ли склонил голову:

— Этот чиновник приветствует генерала, — сказал он обычным своим, чуть ленивым, красивым голосом. — Я рад видеть, что с вами все в порядке.

Пань Тань не удержался и фыркнул, проходя вперед:

— Да уж. Следовало ожидать ранений после того, что случилось на границе.

— Генералу пришлось постараться, — кивнул господин Ли.

Цзяннаньский хоу после его отъезда много думал об образе этого молодого человека, его словах, решениях и действиях. Конечно же, во многом он был подвержен влиянию своих друзей, которые не любили господина Ли. В своей душе Пань Тань затаил обиду. Он не понимал, почему господин Ли уехал так быстро, почему стал так холоден, почему сам не искал встречи. Генерал считал, что, пока господин Ли не объяснится, он и сам будет отрешен по отношению к нему — но стоило Пань Таню увидеть изгиб янтарных глаз с чувственно опущенными внешними уголками, как любая обида в его душе растворилась утренним туманом. Он не мог заставить себя больше злиться, ему не нужны были объяснения и признания, не нужны причины. Генерал страстно хотел тут же отдать приказ запереть ворота поместья и никогда более господина Ли от себя не отпускать — тогда его душа была бы спокойна.

Но пусть Пань Тань думал об этом, его лицо оставалось мрачным.

— Господин Ли так хорошо понимает ситуацию на фронте. Отчего ты тогда не остался, чтобы помочь нам?

Юноша опустил глаза:

— Меня срочно вызвали ко двору, я не мог отказаться.

— Кто вызвал, Император? — спросил Пань Тань. Он приблизился и сел возле господина Ли, на ту же кушетку. Они часто сидели рядом с лагере, обсуждая военные планы, потому для обоих

подобное положение было привычно. Кроме того, в душе оно будило нежные воспоминания, потому настроение генерала поднялось еще более.

Господин Ли мгновение помолчал, а после, подняв взгляд, признался:

— Третий принц.

В выражении его было ожидание, словно после этих слов Пань Тань нечто должен быть понять. В своей душе генерал решил, что господин Ли переживает, зная, как Цзяньньский хоу этого наследника недолюбливает, и боится его реакции. Это осознание в Пань Тане пробудило еще большую нежность.

— Значит, в самом деле ты служишь ему? — спросил генерал, но без капли строгости. Господин Ли вздохнул, отвернувшись от него, и рассказал:

— Третий принц был знаком с моим отцом и вхож в дом: однажды он заметил, как я занимаюсь, и назвал меня очень талантливым. Его Высочеству нужны такие люди, потому он нанял мне учителей, перевез к себе, чтобы присматривать, и помог со сдачей императорских экзаменов. После того меня определили в военное министерство и с другими чиновниками отправили к вам, на границу. Я не хотел рассказывать этого, да вы и не спрашивали...

Говоря, господин Ли отставил чашку на низкий столик и, улучив момент, Пань Тань поднял ее и отпил: ровно из того места, которого касались губы господина Ли. Тот, наблюдая за этим, замолк, а генерал улыбнулся:

— Это не было важно тогда, как не важно и теперь. Все мы слуги Императора.

Господин Ли помолчал мгновение, вглядываясь в выражение лица напротив:

— Генерал прав, но не стоит проявлять излишнюю беспечность. Сейчас Император один, но в будущем...

— Не стоит так говорить, — прервал Пань Тань и наконец расслабленно улыбнулся. В этом выражении на щеках его появились очаровательные грушевые омуты. — Кому бы ты не служил, теперь ты здесь, и я рад наконец-то увидеться. Я скучал.

Юноша опустил взгляд:

— Генерал слишком добр. Простите, что мало писал...

— Ничего страшного, — тут же великодушно простил генерал. Господин Ли поднял на него взгляд:

— Неужели генерал совсем не злится?

— К чему мне? — рассмеялся Пань Тань. — Теперь ведь ты здесь, а значит и прошлое осталось в прошлом. Я понимаю, что все это время ты был слишком занят службой, чтобы отвлекаться на письма, да и я не мог уделять им много времени. Все в порядке.

Господин Ли снова посмотрел на генерала: пронзительно, прямо, словно в его лице желал рассмотреть нечто особенное. Это его выражение Цзяньньскому хоу казалось особенно очаровательным, потому он, не отрываясь, смотрел в ответ с легкой улыбкой. Господин Ли первым отвел взгляд и вздохнул, покачав головой. Одевался он теперь не как простой ученый,

но как достойный молодой господин: волосы его были забраны в высокий хвост и закреплены серебряной шпилькой, темное ханьфу по вороту и рукавам вышито золотой нитью, а талия перехвачена широким поясом с несколькими нефритовыми подвесками. В подобном наряде господин Ли казался старше своих лет, невольно вызывая трепетное уважение одним взглядом на себя и желание позволить немного вольностей этой достойной красоте.

Впрочем, Пань Тань с подобными желаниями старательно боролся, позже слушая рассказы господина Ли о жизни в столице. Юноша говорил не очень громко, почти не меняя тона голоса, но удивительно красочно, что любой образ тут же возникал перед глазами, стоило попытаться представить. За праздными разговорами успела прогореть до ароматного пепла не одна палочка благовоний. Господин Ли рассказывал о жизни в столице, благородных родах и делах их таинственных внутренних дворов, рассказывал, быть может, чуть больше, чем следовало. Постепенно из легких историй господин Ли переходил к другой стороне шумной столичной жизни, все ближе и ближе подбираясь к довольству и недовольству Императором некоторых семей. Генерал не был дураком и понимал, куда в скором времени вильнет разговор, но предпочитал не обращать на это внимания, следя более за образом господина Ли, чем за сутью его слов.

— С возвращением генерала баланс сил между благородными родами изменится, — говорил господин Ли, опустив взгляд на собственные бледные пальцы. Тонкая прядь его волос небрежно легла на плечо юноши, с той стороны, где сидел Пань Тань, и тому казалось, словно достаточно приблизиться еще на несколько цуней, и он услышит свежий аромат мыльного корня. — С вами вернулись Лю Гуанмин и Гао Нин, а теперь они заключили брак... Пусть Император никак не высказался относительно их союза, теперь им следует быть осторожными.

— Двое молодых людей, что полюбили друг друга, совершили полагающиеся поклоны своим предкам, Небу и Земле, — пожал плечами Пань Тань. Он откинулся на спинку кушетки и отвечал лениво, не сводя с господина Ли взгляда. — Разве Император не должен радоваться покою, что царит в сердцах его подданных?

— О, Император в восторге, я уверен, — сказал господин Ли и сквозь обычную его спокойную маску просочилась сладким запахом присущая крутому нраву юноши язвительность. Он редко кому решался показать ее, но от каждого такого момента генерал чувствовал, что является в сердце господина Ли не последним человеком. Тут же, Впрочем, юноша продолжил без всякой эмоции. — Но Император озабочен делами Центральных равнин и, конечно же, балансом сил между своих подданных. Богатства семьи Фэн теперь принадлежат ставке Второго принца, Третьего поддерживает семья Императрицы и, казалось бы, в столице воцарилась гармония. Однако если семьи Гао и Лю объединятся, это может взволновать Его Величество.

— Они уже едины, — ответил генерал. Пусть лицо его оставалось мягким и внимательным, словно он готов был искренне вслушаться в каждое слово господина Ли, такие слова Пань Тань слышал не раз от многих людей с самого своего возвращения. Если бы не особое место господина Ли в его сердце, Цзяннаньский хоу не стал бы обсуждать с ним эти дела, но теперь позволял своему гостю говорить и даже отвечал вполне искренне.

Господин Ли прямо посмотрел на генерала:

— Вы знаете, что я имею в виду, — сказал юноша и с нажимом добавил: — По столице ходит слух, что госпожа Гао понесла дитя. Этого никак нельзя допустить.

— На все воля богов, — ответил Пань Тань. Господин Ли от его слов нахмурился:

— Боги обитают в небесных чертогах, а мы с вами здесь, потому нам решать, как вершить свои судьбы. Генерал...

— Полно, я уже слышал это много раз, — взмахнув рукой, прервал Цзяннаньский хоу.

— И услышите еще столько же, — ответил господин Ли. Теперь, когда он наконец-то добрался до этой темы, юноша не намерен был отступать. — Генерал, вы ведь и сами понимаете, что этот ребенок только усилит недовольство Императора вами.

— Если безвинное дитя так влияет на Его Высочество, то это его забота, не моя, — отозвался Пань Тань и в голосе его при упоминании Сына Дракона проскользнуло такое редкое в разговорах с господином Ли раздражение.

— Пока в его руках ваша жизнь и будущее — ваша, — возразил господин Ли. Стало заметно, что в отличие от прошлых тем эта в самом деле его волнует: юноша поерзал на месте и сильнее повернулся к генералу, стремясь заглянуть ему в глаза. — Что Лю Гуанмин, что Гао Нин ваши верные друзья, потому и их ребенок будет бесконечно предан вам. А он по праву рождения станет хозяином богатства двух великих семей — как Император может упустить это?

— Его Величеству следует не беспокоиться о подобном, а решать дела страны, — резко ответил Пань Тань. Он совсем не стеснялся в выражениях, отчего господин Ли поморщился. — Больше реальных проблем его волнует жизнь еще нерожденного ребенка: может, к моменту его взросления династия вовсе будет другой.

— Генерал, вы!.. — возмущился господин Ли, но тут же вздохнул и постарался говорить спокойно и вкрадчиво. — Не вздумайте сказать такое кому-то с дурными намерениями.

— Я знаю, что ты не из тех, — махнул рукой Пань Тань, но тут же стал серьезен. — Хотя мне любопытно, чье поручение, придя сюда и уговаривая меня, ты выполняешь.

— Третьего принца, — после мгновения сомнений признался господин Ли. Генерал фыркнул:

— Выслуживаться перед этим самовлюбленным...

— Не будем обсуждать его за спиной, — решительно прервал господин Ли и вздохнул. — Генерал, Его Высочество в самом деле поручил мне разобраться с этим делом, но я пришел поговорить сюда с вами как ваш друг. Послушайте моего совета: убедите Гао Нин избавиться от ребенка...

— Я не стану этого делать.

— Ваше упрямство глупо!

— А твои слова отвратительны! — в том же тоне ответил генерал. Он выпрямился и тут же стало заметно, насколько Пань Тань выше господина Ли. Даже сидя тому приходилось поднимать голову, чтобы взглянуть на него. — Инчунь, послушай сам себя: ты предлагаешь мне вынудить мать умертвить свое дитя из пустых опасений за честь Императора.

— Если бы мать думала наперед, никому из нас не пришлось бы об этом сейчас переживать, — отозвался господин Ли. Лицо его в самом деле выражало сомнения и искреннюю обеспокоенность, когда он подался вперед, заглянув Пань Таню в глаза. — Генерал, я не лукавил в том, что приехал переговорить с вами по своей воле: я верю, что вы, как разумный человек, внимлите моим словам. Конечно, каждая жизнь ценна, но разменивать одну жизнь на

три — глупо!

— Я смогу выстоять, — упрямо ответил хоу. — Этот ребенок ни в чем неповинен перед Небесами.

— Император не желает видеть этого ребенка живым — а значит, не желают и сами небеса. Позволить ему родиться означает обречь на ужасные страдания, что все одно не продлится дольше нескольких лет. Выбор госпожи Гао и ваш выбор, сейчас это не решение между жизнью и смертью не родившегося наследника, а между жизнью и смертью ее и ее мужа. Подчинятся они воле Императора — и продолжат мирно жить под вашим покровительством, нет — останется только принять от него в дар отрезь белого шелка.

Пань Тань взглянул на своего собеседника и спросил:

— Неужели ты в самом деле можешь сказать подобное?

Господин Ли смотрел в чужое лицо без капли сомнения, пусть в душе его и роились вопросы. Некоторые вещи не принято было говорить прямо, другие — просто нельзя сказать, но господин Ли искренне желал, чтобы по словам его, голосу и лицу генерал наконец-то понял то, что так давно до него стараются донести. Ответил господин Ли решительно:

— Вот, что я скажу кроме: Гао Нин и Лю Гуанмин — оба отличные полководцы и принесли стране много славных побед. Они молоды и поучаствуют еще во многих компаниях — а что же их ребенок? Он может родиться слабым и болезненным, может стать молодым господином, что будет прожигать богатство родителей, или госпожой, что никогда не выйдет за пределы внутренних комнат. Он может вовсе умереть в родах — а расположения Императора будет уже не вернуть. Я считаю, что глупо желать получить все и сразу: чете Лю нужно либо отказаться от наследников, либо от своих титулов — если пожадничают, то сгинут сами и навлекут беду на девять поколений своих предков. Сейчас же мои рассуждения просты: два талантливых человека против одного неизвестного — конечно же и без неодобрения Императора лучше поскорее избавиться от него.

Цзяннаньский хоу отвернулся и через время сказал:

— Я уже ответил тебе и не изменю своего мнения. Если это все — меня еще ждут дела.

Господин Ли желал кричать в душе — но не показал виду, попрощался с генералом и, не оборачиваясь, покинул его поместье. Когда господин Ли последний раз глядел на упрямый профиль Пань Таня, глаза его на миг наполнились бессилием — но после вновь засияли решимостью, словно для себя господин Ли принял некоторое трудное решение.

По зловеще пустым переходам поместья юноша вернулся к его воротам и, проскочив через неудобную калитку, скрылся в ожидающем тут же простом экипаже. Окна повозки были плотно закрыты, а как только господин Ли оказался внутри — извозчик тронулся, увозя юношу от поместья хоу все дальше и дальше. Внутри экипажа господина Ли ждал человек:

— Ну что, — взволнованно спросил он. — Что хоу сказал?

— Он самый упрямый человек, которого я когда-либо встречал в своей жизни, — раздраженно отозвался господин Ли. Окинув своего собеседника взглядом, он добавил. — Пусть иным людям не помешала бы часть его стойкости, во многих вопросах она не нужна и даже вредна.

— Неужели намекаешь на меня? — удивился человек. У него были густые брови, простое

открытое лицо, и даже в полумраке повозки было заметно, как он молод. Сейчас Мин Цзе едва исполнилось двадцать лет.

— Я рад, что свои пороки ты осознаешь сам, — отозвался господин Ли.

— Брось, не сравнивай меня с хоу, — рассмеялся в ответ юноша. — Я не так глуп, чтобы вызывать недовольство Императора, и к хорошим советам прислушиваюсь.

— Да, ты не как он, — признал господин Ли. — Человека подобных качеств вообще сыскать сложно.

Мин Цзе сначала улыбнулся, а затем задумался: эти слова не похожи были на ругань, больше — на похвалу. Тогда он не понял их смысла, и значения особого не придал. В совокупности прожитых лет теперь Мин Цзе было уже больше, чем господину Ли, генералу и Третьему принцу: но он все еще не был уверен, чего в голосе друга тогда было больше: глухой злости, или восхищения.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1725426>